

АКЦЕНТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье рассматриваются изменения мест словесных ударений в современном русском литературном языке: общая тенденция к ритмическому равновесию, подвижность глагольного и именного ударения, тенденция к грамматикализации ударения прилагательных и причастий.

Ключевые слова: акцентные изменения, грамматикализация ударения, подвижность ударения, ритмическое равновесие, словесное ударение.

В 90-е годы XX века проблема русского ударения и его кодификации значительно обостряется в связи с возрастающей ролью публичной речи. Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, становится активным стимулом для подражания. Она у всех на слуху и невольно оказывает воздействие на речевую практику населения. То, что средства массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Однако дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более усиливает влияние на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускоряются, и бывшие строгие литературные нормы оказываются поколебленными.

Тенденции в области русского ударения наметились еще в середине прошлого века, но наиболее интенсивно они проявляются в современных условиях.

Общей тенденцией в ударении, по признанию многих лингвистов, считается тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова. О тяготении русского ударения к центру со смещением во вторую половину слова пишет А.И. Моисеев [А.И. Моисеев, 1973]. Опираясь на подобные исследования, ту же мысль поддерживают и иллюстрируют богатым материалом К.С. Горбачевич [К.С. Горбачевич, 1978: 64-68] и Н.С. Валгина [Н.С. Валгина, 2003, 64].

Эта тенденция проявилась у пяти-, шестисложных глаголов на -ировать («аккомпанировать» из «аккомпанировать», «абонировать» из «абонировать», «бальзамировать» из «бальзамировать»). Четырехсложные глаголы либо имеют варианты нормы («нормировать» и «нормировать»), либо избирают одну, новую форму («вальсировать» из «вальсировать»), либо сохраняют окончательное ударение («премировать» – просторечное «премировать»; «маскировать» – просторечное «маскировать»).

Перемещение ударения к середине слова отмечено у прилагательных: «прадедовский» (из «прадедовский»), «тайнственный» (из «тайнственный»), «счастливы́й» (из «счастливы́й»), «общественный» (из «общественный»).

У прилагательных на -истый прослеживается некоторая закономерность в смене ударения, связанная с морфологическим показателем: прилагательные, образованные от имен существительных с ударением на первом слоге, дают переход ударения на -истый («бархат – бархатистый → бархатистый», «сахар – сахаристый → сахаристый», «камень – каменистый → каменистый», «мускул – мускулистый → мускулистый»,

* © Фунтова И.Л.

«фосфор – фосфористый → фосфористый»), а прилагательные, образованные от имен существительных с ударением на втором (или третьем) слоге, сохраняют именно это ударение, достаточное для соблюдения равновесия («болото – болотистый», «обрыв – обрывистый», «сосуд – сосудистый», «пузырь – пузыристый», «оборот – оборотистый», «ухват – ухватистый»). Здесь очевидно совмещение ритмического и морфологического принципов в размещении ударений.

Как отмечает К.С. Горбачевич [4, 66], тенденция к ритмическому равновесию особенно наглядно прослеживается в сложных словах: «зубчатый – мелкозубчатый», «развитой – малоразвитый», «возрастной – великовозрастный», «характерный – разнохарактерный», «договор – хоздоговор».

Процесс смещения ударения в многосложных словах к центру слова можно оценить как процесс прагматически оправданный, целесообразный, так как в таком случае соблюдается более равномерная смена ударных и неударных слогов, что более удобно для произнесения.

Наряду с общей тенденцией смещения ударения ближе к центру слова для достижения ритмического равновесия наблюдаются частные тенденции, характеризующие отдельные части речи.

Например, глагольное ударение, отличающееся в целом неподвижностью (ударение на корневой или суффиксальной части), обнаруживает подвижность в некоторых формах. В частности, форма прошедшего времени женского рода, имеющая в ряде глаголов ударение на окончании («начала», «приняла», «заняла», «ожила», «облила»), переносит его на основу: «начали – начала», «приняли – приняла», «заняли – заняла», «ожили – ожила», «облили – облила». Однако такие формы женского рода литературным языком не принимаются. Так естественный процесс задерживается рекомендательными установлениями.

Ненормативное перемещение ударения, очень активное в последнее время, на приставку в действительных причастиях прошедшего времени и деепричастиях происходит под влиянием литературного принятого ударения в формах страдательных причастий прошедшего времени: действительные причастия «начавший», «занявший» и деепричастия «начав», «заняв» – нелитературные формы; страдательные причастия прошедшего времени «начатый», «начат», «начато», «начаты»; «занятый», «занят», «занято», «заняты» – литературные формы. Как отмечает Н.С. Валгина [2, 65], такие расхождения в кодификации в речевой практике часто не учитываются, и обнаруживается стремление свести все к одному знаменателю, тем более что закон языковой аналогии – очень сильный закон, отмеченный яркой наглядностью. А если в эти сопоставительные ряды страдательных причастий включить еще и формы женского рода (лит. «начата», «занята»), нарушающие внутреннее единство соответствующих форм, то покажется вполне объяснимой тенденция к переносу ударения в этих формах ради их унификации («начата», «занята»). В словаре Т.Ф. Ивановой [Т.Ф. Иванова, 2007] форма «начата» уже является единственно правильной, а форма «занята» пока еще не принимается литературной традицией.

Большого внимания требуют глаголы на -ить, среди которых выделяются группы лексем с неподвижным и подвижным ударением.

Вариантные колебания возникают между литературными формами и просторечными, идущими от лексем с подвижным ударением. Особенно характерно это для глаголов «звонить», «позвонить», «включить», «закл^ючить», а также «углубить», «облегчить» («звонит – звонит», «включит – включит», «закл^ючит – закл^ючит»; в глаголах «углубить» и «облегчить» вариантность коснулась даже самой исходной формы: «углубить – углубить», «облегчить – облегчить»). Во всех приведенных парах вторые

позиции занимают формы нелитературные, но в высшей степени распространенные в речевой практике даже достаточно образованных людей (телеведущие, депутаты парламента, учителя и др.). Такое нарушение правила, несмотря на свою массовость, оказалось пока что неспособным поколебать литературную традицию.

Однако подвижное ударение в глаголе захватывает все большую группу слов в современном русском языке. И в других случаях рекомендации становятся не столь жесткими, как в случае с названными выше глаголами. Например, следующие колебания в ударении не вызывают столь резкого неприятия: «мирить – мирит / мирит», «помирить – помирит / помирит», «поселить – поселит / поселит», «селить – селит / селит». В частности, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1998] в качестве разговорных допускаются формы «поселишь», «селишь». Кстати, у более распространенного глагола «звонить» («звонишь») такой пометы нет. Как вариантные формы в рамках литературного языка воспринимаются глаголы «перчить» и «перчить», соответственно и формы причастий «перченный» и «перчённый» (посыпанный перцем); прилагательное же имеет только одно ударение: «перчёное масло», «перчёное мясо».

В сфере именного ударения В.А. Воронцова [3, 314-315] и Н.С. Валгина [2, 66] в качестве основной тенденции называют грамматикализацию ударения, т.е. сохранение и развитие дифференцирующей функции ударения в грамматических формах имен существительных (например, «дома» – род. п., ед. ч.; «дома» – им. п., мн. ч.). Грамматикализация ударения естественно связана с тенденцией к подвижности. И то и другое создает большую степень вариантности форм в современном русском языке. Например, при словоизменении некоторые разряды имен существительных меняют неподвижное ударение на подвижное: «тираж – тиража → тиража»; «гуляш – гуляша → гуляша»; «мост – моста → моста»; «гусляр – гусляра → гусляра».

Интересны данные словарей середины и конца 90-х годов XX века. Например, в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дается единственная форма родительного падежа «гуляша»; а родительный падеж от слов «гусляр» и «мост» имеет обе формы: «гусляра» и «гусляра», «моста» и «моста». В словаре Т.Ф. Ивановой [5] также даны вариантные формы: «по мосту – по мосту – по мосту». Существительное «тираж» образует только одну форму – «тиража», т.е. новое флективное ударение либо стало равноценным исходному корневому, либо вообще вытеснило старое ударение. Для сравнения: в словаре Д.Н. Ушакова [Д.Н. Ушаков, 1935] форма родительного падежа «моста» считалась областной. Хронологические разночтения в рекомендациях наблюдаются и в формах «листаж – листажа → листажа» (в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дана только новая форма со смещенным ударением – «листажа») и «шантаж – шантажа → шантажа» (у С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] литературной считается форма «шантажа», а Д.Н. Ушаков [10] считал такую форму просторечной). Хронологически разные оценки форм достаточно показательны: Д.Н. Ушаков ориентировался на произношение, принятое в начале XX века, в то время как С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова фиксируют факты конца XX века.

Интересно также отметить, что у трехсложных слов старое ударение в родительном падеже сохраняется неизменно: «патронажа», «арбитража», «камуфляжа», «репортажа», «саботажа», «вернисажа». У двусложных слов вариантов уже нет, флективное ударение оказывается единственным: «багаж – багажа», «витраж – витража», «гараж – гаража», «вираж – виража» (полет самолета), но «вираж» (спец.) – «виража» (раствор, используемый в фотографии).

Акцентологическое развитие получили и формы родительного падежа единственного числа у ряда других имен существительных, в формах которых акцент смес-

тился в сторону окончания: «угля → угля», «груздя → груздя», «холма → холма». Схожие явления наблюдаются и в формах кратких прилагательных: «полны → полны», «близки → близки», «верны → верны», хотя не все слова приняли такое ударение: «гадки», «жутки», «сладки».

Тенденция к подвижности ударения у имен существительных захватила большие пласты слов и породила вариантность в рамках нормативности.

Особенно активно варьирование у приставочных имен существительных: «обжиг – обжиг», «отсвет – отсвет», «привод – привод», «прикус – прикус», «искус – искус» и др. Данные варианты в современном русском языке дифференцированы стилистически и грамматически в формах единственного и множественного числа, а некоторые и семантически: «привод – привод» (устройство или система устройств для приведения в движение различных машин) и «привод» (принудительно доставить).

Подвижность ударения в таких словах возникает в профессиональной речи и просторечии («привода», «припуска»), отчасти и в литературном языке: «отпуск – отпуска», «провод – провода». В исходной форме именительного падежа единственного числа варианты форм подобных имен существительных по-разному оцениваются современными словарями, т.е. норму можно считать неустоявшейся. Так, например, словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] дает формы «привод» и «привод» (устройство в машине) как равноценные, тогда как в более ранних изданиях Толкового словаря С.И. Ожегова (1949 / 1952) дана только форма «привод» (во всех значениях); то же со словом «отсвет» и «отсвет»: в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] даны обе формы как равноценные, хотя ранее С.И. Ожегов давал только вариант «отсвет». Этому дает объяснение К.С. Горбачевич [4, 74]: с одной стороны, действуют словообразовательные ассоциации («свет», «просвет», «рассвет», «полусвет» – морфема «свет» оказалась очень сильной), с другой стороны, действует структурно-семантическая аналогия («отблеск», «отзвук», «отклик»). Однако в настоящее время в словаре Т.Ф. Ивановой [5] вариант «отсвет» имеет помету «устар.».

Акцентные варианты «искус» и «искус», «прикус» и «прикус» тоже имеют длительную и интересную историю. Отклонением от нормы считались то одни варианты, то другие. Эти колебания отражены в словарях: в 1952 году у С.И. Ожегова дан только вариант «искус», а в 1972 году он дает уже два варианта – «искус» и «искус»; в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] вариант «искус» помечен как устаревший (в орфоэпическом словаре Т.Ф. Ивановой [5] этот вариант имеет помету «допуст.»). Постепенно изгоняется и вариант «прикус» из пары «прикус – прикус».

Однозначно воспринимаются варианты «кета – кета», «базилика – базилика», «обух – обух», «кирза – кирза» (соответственно «кирзовый» и «кирзовый»). В словаре Т.Ф. Ивановой [5] варианты «кирза – кирзовый» имеют пометы «допуст., разг.».

В других случаях вариантность в современном русском языке исчезает, и один из вариантов устаревает, освобождая место более сильному. Так случилось, например, с парой «щепоть – щепоть», в которой первый вариант постепенно утрачивается языком. Относительно слова «трапеза» обычно в словарях расхождений не бывает – оно дается в варианте первоисточника (греч. “trapeza” – стол, кушанье). Однако в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] даны две формы – «трапеза» и «трапеза» – без стилистических помет; как равноправные даны и формы прилагательного «трапезный – трапезный», однако субстантивной форме «трапезная» (монастырская столовая) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [8] отдают предпочтение, снабжая вариант «трапезная» пометой «устар.». Смещение ударения возможно только в приставочном прилагательном «затрапезный» (вид) и существительном «затрапезность»; здесь вступают в действие фонетические и морфологические причины: удлинение слова за

счет приставки и установление ритмического равновесия. И то и другое слово в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [8] помечено как «разг.», в то время как исходная форма «трапеза» такой оценки не имеет. В настоящее время в словаре Т.Ф. Ивановой [5] варианты «трапеза» и «трапезный» имеют пометы «допуст., устар.».

Тенденцию к грамматикализации можно наблюдать на различении форм прилагательных и причастий одного корня: «развитый / развитый – развитой», «налитый / налитый – налитой», «испитый – испитой», «завитый – завитой», «обжитый / обжитый – обжитой», «занятый – занятой». Четко к прилагательным относятся акцентологические варианты «налитой», «снятой», «испитой» («налитое яблоко», «снятое молоко», «испитое лицо»). Формы на -ой вообще чаще выступают в роли прилагательных: «обжитой дом», «развитой ребенок». Что же касается форм с ударением на приставке или корне, то здесь принцип грамматикализации ощущается недостаточно четко. Неоднозначны и указания в словарях и справочниках. Разграничение форм прилагательных и причастий в акцентных парах «завитый – завитый», «налитый – налитый», «развитый – развитый» затруднительно и связано с семантикой этих слов: формы, прямо связанные с глаголами, т.е. имеющие процессуальное значение, выступают в качестве причастий и имеют ударение на корне: «налитый» («налить»), «развитый» («развить веревку»), «завитый» («завить волосы»). В использовании форм с приставочным акцентом («занятый», «развитый», «обжитый») различия обнаруживаются на синтаксическом уровне (причастие или прилагательное): «человек, занятый делами»; «мысль, развитая в работе»; «дом, обжитый нами» – «занятый работник», «развитый ребенок», «обжитый дом».

Однако слова с префиксальным акцентом далеко не всеми принимаются как нормативные. Например, форма «развитый» (ребенок) как прилагательное снабжается запретительной пометой в словаре-справочнике под редакцией Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова [9], хотя, как убедительно доказывает С.Н. Борунова [1, 210], в современном русском языке, «когда произошла стилистическая нейтрализация приставки раз-, стало возможно префиксальное ударение в причастии и прилагательном». Как отмечает Н.С. Валгина [2, 70], в картотеке Института русского языка зафиксированы в прилагательных оба ударения: нормативное – «развитой» и ненормативное – «развитый». Можно полагать, что нормативность флективного ударения в 60 – 70-е годы во многом стимулировалась частотностью употребления официальных терминологических сочетаний типа «развитой социализм», что оттесняло на периферию языка форму «развитый». Современный материал свидетельствует о расширении употребительности префиксального ударения у прилагательного, и потому его можно признать вариантом нормы при предпочтительном варианте «развитой». Такой вывод был сделан еще С.Н. Боруновой [1, 216].

Не варьируется ударение лишь в причастии «развитый» («развитая веревка») и в сложных прилагательных («слаборазвитый»). Прилагательные «развитой» и «развитый» в качестве одиночных определений нормативно равноценны, хотя в определительных оборотах предпочтительнее оказывается форма прилагательного с приставочным ударением – «экономически развитый район».

Как отмечает Н.С. Валгина [2, 62], причины акцентных изменений в основном внутрисистемные. Это столкновение действия закона аналогии, который является стимулятором подрыва традиционности, и закона традиции, обычно сдерживающего инновационные процессы, а также закона антиномий (противоречий, которые являются по сути «зачинщиками» борьбы противоположностей, заложенных в самой системе языка), в частности, антиномии узуса и возможностей языка, т.е. системы и нормы. Возможности языка (системы) значительно шире, чем принятое в литератур-

ном языке употребление языковых знаков; традиционная норма действует в сторону ограничения, запрета, тогда как система способна удовлетворить большие запросы общения.

Среди причин внешнего характера можно назвать влияние некоторых говоров, а также влияние источников заимствования – для заимствованной лексики.

Поскольку ударение – это явление устной речи, оно менее регулируемо, нежели письменная речь, и менее поддается нормализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борунова С.Н. Об акцентологических вариантах «развитый – развитый – развитой» // Грамматика и норма. М., 1977.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
4. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
5. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка (произношение, ударение, грамматические формы) / Под ред. В.В. Бурцевой. 2-ое изд. М., 2007.
6. Моисеев А.И. К различию длинных и коротких слов в современном русском языке (в связи с местом словесного ударения) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949 / 1952 / 1972.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995 / 1998.
9. Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1959.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.
11. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 2-ое изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

I. Funtova

ACCENTUAL CHANGES IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the changes of word-stress in the modern Russian literary language: the general trend leading to rhythmical balance; the variability of word-stress in verbs and nouns; the tendency resulting in the grammaticizing of stress in adjectives and participles.

Key words: accentual changes, grammaticizing of stress, variability of stress, rhythmical balance, word-stress.